

Жанровое чтение как способ понимания текста
(элегии А. Парщикова, Б. Попова,
Г. Газизуллина, Е. Вербина)

С. Ю. Артёмова

(Тверской государственный университет, г. Тверь)

Жанр мыслится чаще всего как информация «о способе понимания предложенного текста». Жанр является системой правил, известной автору и читателю, жанровые правила составляют основу литературного процесса.

Жанры поэзии XIX—XX вв. чрезвычайно трудно соотносить с исторически сложившимися, каноническими жанрами. Тем не менее доказывать, что «произведение возможно лишь в форме определенного жанра», казалось бы, уже нет необходимости. Зато есть необходимость всякий раз при изучении каждого конкретного текста вновь определять его жанровую природу.

Мы попробуем показать специфику жанрового анализа лирики на примере элегий второй половины XX в. Л. Г. Кихней подчеркивает важность авторских деклараций жанра при прочтении произведения. Изначально в русской жанровой традиции и до сегодняшнего дня элегия в сознании авторов и читателей связана с особым эмоциональным настроем (печаль) и, соответственно, имеется ряд образов, этот настрой провоцирующих: кладбище, руины и т. д.

Стихотворение Парщикова «Элегия» лишено как эмоциональных маркеров элегии, так и устоявшихся мотивных комплексов. Внешний сюжет стихотворения довольно прост — лирический субъект, гуляя, видит у водоема жаб (лягушек), и эта картинка запускает цепь ассоциаций. Тоска из-за несовершенства мира уступает место тоске по мировой культуре. На место канона приходит «внутренняя мера жанра», которая и определяет облик элегии второй половины XX в.

Ярче всего замена канона внутренней мерой жанра видна в шуточных и пародийных текстах. Например, в стихотворении Г. М. Газизуллина «Трансцензус» (с подзаголовком «Элегическая шуточка») мы видим все признаки канонической элегии, собранные вместе и гипертрофированные. Здесь есть и тоска, и смерть, и элегическое одиночество, и обращение к господу и вере, и весенняя лихорадка, и осознание собственной раздвоенности (сердце поэта в груди бухгалтера). Но место тоски занимает самоирония, лирический субъект смотрит на себя и свою элегическую печаль как бы со стороны и смеется над собой.

Вообще такое определение элегии как «ироническая» частотно в поэзии конца XX в. Подобные примеры мы видим и в стихотворении Бориса Попова «Ироническая элегия». Неслучайно ритмически стихотворение перекликается со стихотворением Б. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво», при этом содержательно противоречит ему: если пастернаковский лирический субъект весь погружен во внутреннюю жизнь и самореализацию,

то герой стихотворения Попова вписывает себя во внешний ряд успешных людей. Однако в финале именно эпоха уравнивает столь разное отношение героев к жизни и творчеству: «инженеры душ» пишут «доносы друг на друга», противопоставление прошлого и настоящего оказывается эфемерным, ничего не меняется.

У Е. Вербина есть и более ироническая трактовка жанра элегии в цикле «Маленькие элегии». В этом тексте проявляется принцип современной элегии — найти какой-нибудь идиллический тезис и опровергнуть его, найти афористический изъян.

Элегия оказывается тем жанром, который позволяет реализовать тоску по тоске. Элегия демонстрирует «память жанра» и в то же время движется вперед, переходит либо в сатиру, либо в иронию и самоиронию, либо отрицает саму возможность элегического мироощущения при наличии элегического дискурса.